

лей-неволей дьявол здесь вынужден появиться в монастыре и либо, вопреки своей природе, призвать грешных монахов к покаянию, либо, наоборот, внести в их среду еще большую греховную смуту.

В другом ответвлении цикла место дьявола занимает ангел. В большинстве рассказов, ведущих свое начало от «Римских Деяний» и нашего «Пролога», ангел, совершив, подобно Китоврасу, ряд странных поступков, открывает впоследствии их тайную целесообразность.⁷ Тема «путей господних неисповедимых» от «Римских Деяний» (и подобных им сборников) идет вплоть до Вольтера (эпизод в «Задиге»). В другой, меньшей по количеству, группе легенд сам ангел не понимает «неисповедимых путей божьих» и за свои колебания ссылается богом на землю. Тема в данном варианте вошла в фольклор, а из фольклора была впоследствии взята и Л. Н. Толстым для рассказа «Чем люди живы?».

Рядом с этим тема об «ангеле на земле» в иных планах варьируется во многих произведениях западноевропейских литератур — от поэмы Ламартина («La chute d'un ange») до романов Г. Уэллса («The Wonderfue Visit»), Анатоля Франса («La Révolte des anges») и др.

Народная легенда, давшая тему Л. Н. Толстому,⁸ некоторыми своими чертами напоминает Повесть о царе Асириане, имеющую черты переводной и в то же время в известной степени откликающейся, как увидим, на актуальные вопросы русской действительности XVII—начала XVIII в.

Тексты Повести сохранились в рукописях ГПБ: в сборниках из коллекций Титова (№ 1530 от л. 54 об. до л. 68 об.; № 1560 — от л. 84 об. до л. 103), Погодина № 1663 от л. 302 (304) об. до л. 324), Буслаева (F. 1. 1161, от л. 382 об. до л. 398 об.). Между ними есть различия. Кроме них, мне известен еще один, неисправный и, видимо, поздний список в одном из сборников б. Церковно-Археологического музея в Киеве (№ 307), находящийся ныне в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки Академии наук УССР. За исключением Погодинского списка, Повесть не имеет заглавия; в сборниках Титова вместо него подзаголовки: «Выписано из книги Палеи толкования из приточника» (№ 1530) и «Выписано ис приточника Палеи толковья». Подзаголовки не помогают установить происхождение.

Не облегчают этой задачи и имена действующих лиц: царь Асириан (участвующий только в начале рассказа), его сын Клавдиниос (Claudianus?), царский воевода или боярин, в рукописях именуемый Авсихим, Есфихим, Ефихим (Εδδχίμων?), сарацинский воевода Цеганус (Αθιγγανος), так же как и названия мест: страна Агалямская (Агарянская?), Атралимская, град Ивилия (Ἰβηρία?) и т. п. Можно предположить греческий прототип, чрезвычайно искаженный в области ономастики и топонимики.

в книге «Перя Михаила Оброна верному человеку», где имется «История, како сатана, имя его бысть Найда, впровадил костелом быти во церкви, аки орудю на враги» (А. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. Памятники церковно-религиозной жизни угро-русов XVI—XVII вв. Тексты. СПб., 1914).

⁷ О рассказе «Римских Деяний» см. статью С. А. Варшера «История одного литературного сюжета» в книге «Под знаменем науки» (Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко. М., 1902, стр. 99—118).

⁸ Непосредственным источником для Л. Н. Толстого был записанный им рассказ В. П. Щеголенка (Юбилейное издание сочинений Л. Н. Толстого, т. 25, на стр. 544—569 — черновые варианты. См. также: Н. Ф. Сумцов. Литературная родня рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы». — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. IX, 1897, стр. 132—139). Интересно отметить, что тот же сюжет на основе западноукраинской народной легенды заинтересовал И. Я. Франко (Иван Франко, Твори, т. XIII, 3 поэтичної спадщини, Киев, 1954, стр. 32—40, начало неоконченной поэмы «Наймит»). И. Франко знал рассказ Л. Н. Толстого, но начал свою поэму, исходя из имевшегося у него в записи народного рассказа, текст которого приводится в указанном издании на стр. 426—429).